

Полянский Виктор Владимирович*,
*заведующий кафедрой государственного и административного права
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева», профессор
(г. Самара)*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЛЛЮЗИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Почти за четверть века действия Конституции РФ 1993 года выработано множество концептуальных подходов в оценке ее содержания, принципов, сформулированы разнообразные идеи, положенные в основу легального толкования ее норм Конституционным Судом РФ, позволившие на практике обеспечить государственную целостность, единство системы органов государства, и что особенно важно, сохранить социальный мир, защитить права и свободы человека и гражданина.

Вместе с тем, попутным продуктом анализа конституционной материи и идей, сформированных в политических дискуссиях, борьбе социальных групп за власть, стали многочисленные, как оказалось, надежды относительно конституционного настоящего и будущего, которые с давних пор получили свое имя – конституционные иллюзии.

Конституционная иллюзия¹ имеет ложно, искаженно воспринимаемый реальный объект, в частности, закреплённый в форме программных установок Конституции РФ (других правовых актов), создающих видимые условия для реализации нормативных предписаний, однако не отличающихся наличием адекватных средств перевода иллюзии в действительность.

В чем ложность восприятия конституционных норм?² Прежде всего, это упование на всемогущество конституционных установлений, фетишизация ее норм, придание ей того могущества, которым норма обладать в принципе не может без реальных возможностей участников общественных отношений преобразовывать формальную силу нормы в энергию действия, которая реализуется людьми в правотворческой и правоприменительной практике. Кроме того, необходимы не только абстрактные экономические теории и концепции формирования материальной базы развития общества, отраженные в принципах «конституционной экономики»), но и условия перевода указанных абстракций в реальные результаты – фабрики, заводы, бюджетные ресурсы, находящиеся в распоряжении государства, а не субъектов хозяйствования, размещающих основную часть доходов в зарубежных финансовых институтах, не подконтрольных российскому государству.

* © Полянский В.В., 2017

Наиболее ярким примером иллюзии в Конституции является содержащаяся в ст. 1 идея о том, что Российская Федерация – правовое государство, важнейшим принципом и признаком которого признается защита человека, его прав и свобод. Очевидно, в идеале правовое государство как в России, так и других странах – недостижимая мечта, надежда, к которой люди стремятся. В данном случае иллюзия состоит в понимании правового государства как наличности, данности современной государственности. Фактически же правовое государство – постоянный процесс воспроизводства в функционировании всех институтов государства, гражданского общества, деятельности человека и гражданина в процессе правотворчества, правоприменения, реализации норм в иных формах правил, установленных конституцией и другими правовыми актами, правовых обычаев в системе развивающегося правового поля. Но такая иллюзия носит позитивный характер, поскольку стимулирует участников общественных отношений к поведению, соответствующему провозглашенным то ли в законодательстве, то ли в озвученных философских, юридических концепциях и теориях целевым установкам. Таким образом, конституционная иллюзия есть апелляция к будущему, влияющая на правосознание человека и гражданина, воспитывающая правомерное поведение не только в процессе реализации конкретных норм, но и в рамках движения к программным целям, задает вектор правотворчества и правоприменения. В этом состоит социально значимый позитивный результат правовых иллюзий. Между тем, таковых в Конституции много, особенно в части защиты прав и свобод человека и гражданина, где действительность нередко имеет значительное отличие от декларируемой конституционной нормы, от ожиданий человека. Экономические условия нередко превращают конституционную норму в иллюзию, поскольку в капиталистической системе хозяйствования некоторые нормы не могут быть реализованы адекватно заложенному в правах и свободах смыслу (как, например, свобода труда, чаще всего ошибочно понимаемая как «право на труд»).

В контексте анализа конституционных иллюзий важно отметить, что одним из важнейших достоинств Конституции РФ 1993 года принято считать закрепление в ст. 2 положения о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». При этом указанный принцип нашел свое развитие в ряде других нормативных установлений, в том числе в идее о том, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Особое значение в данном контексте имеет указание на обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина. Защита – многомерное явление экономического, социального, политического, правового и духовного порядка. Она предполагает совершение государством в лице его органов и должностных лиц, с использованием всех государственных ресурсов, активных действий, призванных создавать условия для свободного, полноценного использования возможностей общества и индивидов в целях удовлетворения признанных государством потребностей и

интересов, оформленных в виде прав и свобод человека и гражданина. Конечно, коннотации, заложенные в ст. 2 Конституции РФ, требуют и выявления соотношения защиты с признанием и соблюдением прав и свобод.

Однако, признание прав и свобод человека и гражданина – формализованная абстракция, адресованная всем и никому в индивидуальном назначении, самодостаточная фактом закрепления принципа в Конституции РФ, но она является реальностью, действительностью в силу своей абстрактности.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина как обязанность государства вытекает из закрепления его в Конституции РФ в качестве правового (ст. 1), поэтому такая характеристика взаимодействия личности и государства через установление обязанности государства соблюдать права и свободы человека и гражданина является объективно необходимой, без чего государство утрачивает статус правового. Нигде больше в Конституции РФ применительно к статусу человека и гражданина в целом или индивидуально (кроме персонального обращения – к президенту, например) как деятельность соблюдение прав и свобод не используется, однако в данном случае присутствует иллюзия безоговорочного соблюдения прав и свобод – практика доказывает, что как по субъективным (корыстные интересы должностных лиц, служащих), так и объективным причинам права и свободы не всегда соблюдаются государством, что подтверждается судебными решениями, в том числе и решениями Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

И только понятие защита неоднократно в нормативных положениях Конституции используется для характеристики статуса человека и гражданина – в основном прямо либо опосредованно около 20 раз: о социальной защите (ст. 7), о защите равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (ст. 8), о праве каждого на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), о праве каждого на объединение для защиты своих интересов (ст. 30), о праве на защиту от безработицы (ст. 37), о защите государством материнства и детства, семьи (ст. 38), о гарантировании государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, о праве каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45), о том, что Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами (ст. 60) и т.д. И даже в тех случаях, когда функция государственной защиты направлена на иные объекты, в конечном итоге она обращена на интересы человека и гражданина, его права, как это имеет место в ст. 133, содержащей норму о том, что местное самоуправление (а это – право населения, т.е. право человека и гражданина) в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту.

Семантически «защита» в конституционном контексте наиболее точно раскрывается в определении смысла термина, описанного В. Далем: «оберегать, охранять, оборонять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду; закрывать, загораживать охраняя..., защищать себя; быть защищаемым»³. Как вид-

но, защита предполагает динамическое активное поведение субъекта защиты, в данном случае – государства. Это свойство статуса государства как защитника прав и свобод вызывает неподдельный интерес аналитиков Конституции, правоприменителей, политиков самых разных философских убеждений и носителей несовпадающих социальных ценностей, а также и субъекта этих прав и свобод – рядового человека и гражданина.

Проблематика состава, содержания, гарантий реализации прав и свобод с момента обсуждения проекта и принятия Конституции РФ на народном голосовании в 1993 году обрела наиболее острый характер, сохраняется это состояние и поныне. Более того, в начальный период современного конституционного процесса в общество через СМИ были продвинуты иллюзии относительно скорого и надежного наступления благоденствия, которое будет обеспечиваться реализацией широкого перечня прав и свобод человека и гражданина. Действительность оказалась иной – и не потому, что авторы Конституции РФ умышленно формулировали иллюзорные нормы (хочется верить, что они были искренними в своих намерениях). Они могли ошибаться в своих ожиданиях, не смогли учесть реальную устойчивую систему ценностей и отношений, которые деформировали некоторые положения Конституции России о правах и свободах. Возможности государственного механизма их защиты оказались ограниченными, как объективными, так и субъективными факторами. Но сама действительность доказывала некоторую иллюзорность защиты прав и свобод человека и гражданина.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина осуществляется преимущественно по правилам национального права. Однако в современных условиях межгосударственных коммуникаций, фиксации и возложения международных обязательств в области прав и свобод человека и гражданина на государства в рамках международных организаций типа Совета Европы, претендующих на наднациональные полномочия, возникают ситуации, когда иллюзии в области защиты прав и свобод человека и гражданина обретают безграничный характер, совершенно не соотносятся с возможностями государств в существующей у них действительности, частью которой является национальная правовая система. Международные институты исходят из веры в то, что государства безоговорочно должны подчиняться их интерпретационным решениям, что является иллюзией – совершенно необоснованной надеждой.

Сфера государственной защиты прав и свобод человека и гражданина используется международными организациями и зарубежными государствами («друзьями» и «партнерами») – по лексике официальных лиц нашего государства) как повод для формирования антироссийской политики и ее реализации через действия (в частности, санкции), направленные против интересов России как государства, отдельных ее граждан. Антироссийская политика усматривается и в ряде решений ЕСПЧ, в которых Российская Федерация признается виновной стороной по обжалуемым гражданами решениям судов

России. Буква и дух российского права, регулирующего спорные отношения, в практике ЕСПЧ игнорируются, применяются выработанные в его практике интерпретации международных актов, которые не соответствуют законодательству России. Это побудило российских законодателей установить право Конституционного Суда РФ определять возможность исполнения решений ЕСПЧ⁴, которые не всегда исполняются и рядом других европейских государств – Англии, Германии, Италии, Австрии. Европейские государства исполнение принятых ЕСПЧ решений поставили в зависимость от их соответствия конституции государства, материальным и процессуальным нормам, как, например в Англии⁵.

Субъективные факторы также серьезно влияют на действительное состояние защиты прав и свобод. Защита прав и свобод как конституционный принцип реализуется на практике посредством деятельности соответствующих субъектов – государственных институтов власти, муниципальных органов и должностных лиц, самим человеком в порядке самозащиты. Субъективное понимание механизма защиты, корыстно заинтересованное использование определенных законодательством правовых, организационных ресурсов, методов, способов защиты прав и свобод, ведет к такому отклонению от установленных конституционных требований, которое придает этому механизму и самим правам и свободам человека и гражданина иллюзорный характер. Зачастую серьезная критика конституционных положений о правах и свободах не учитывает фактор коррекции буквы и духа Конституции правоприменительной действительностью. Например, иллюзией является расчет на то, что конституционная норма о судебной защите будет реализована в полной мере. Правосудие осуществляется судьями, имеющими собственную социализацию, которая нередко ведет к их зависимости от разных факторов, в первую очередь – субъективного характера (родственники, друзья, сослуживцы – бывшие и настоящие). Это признается и государством, которое во исполнение предписаний Конституции РФ о независимости судей пытается выработать инструменты ограждения судебной власти от субъективизма в деятельности судей – учёт при отборе на должность судьи возможности возникновения конфликта интересов через профессиональную деятельность (работа в прокуратуре, адвокатуре), родственные, дружеские отношения (отсюда – обязанность судьи сообщать о любых попытках воздействия на судью, прямого или косвенного давления на него с целью повлиять на выносимое решение поставить в известность председателя суда, судейское сообщество, а также правоохранительные органы⁶). Как видно, государство предпринимает возможные меры по обеспечению условий для полноценного осуществления правосудия, однако решение этой задачи далеко от завершения, тем более – идеала, что создает почву для сохранения иллюзорности статуса суда как защитника прав и свобод человека и гражданина. Между тем, снижение степени иллюзорности возможностей судебной власти зависит как от государства, так и граждан. Нередко источником поддержания иллюзорности правоза-

щитной функции судебной власти в анализируемом контексте становятся сами граждане, стремящиеся использовать коррупционные методы для достижения корыстной цели в процессе отправления правосудия.

Предпринятая попытка анализа прав и свобод человека и гражданина через призму их защиты приводит к некоторым, возможно спорным, обобщениям.

1. Реальность прав и свобод – цель конституционного закрепления системы юридических категорий, отражающих фундамент правового статуса человека и гражданина, а не только установление некой абстрактной модели. Они важны для общества как идея конституционализма, направление функционирования всего публично-властного механизма, движения гражданского общества с точки зрения формирования у граждан конституционного сознания, определения направлений их гражданской активности, дисциплинирования институтов публичной власти в ответственной деятельности по защите прав и свобод (ст. 18 Конституции РФ).

2. Наиболее значимыми категориями, отражающими процесс защиты прав и свобод, проявляются иллюзии и действительность как сущностные черты наблюдаемого системного процесса. Действительность – средство преодоления иллюзий, выстраивания каналов движения от мечты к адекватным реалиям.

3. Иллюзия в защите прав и свобод человека и гражданина усматривается в оценке их реализации субъектами публичной власти, призванных содействовать защите либо защищать права и свободы. При этом существует ряд проблемных вопросов: это происходит по объективным основаниям либо по сознательному искажению реальности (нередко заявляющие себя в качестве оппозиции силы умышленно искажают результаты защиты прав и свобод); это искусственная реальность либо заблуждение; в какой степени «действительность» адекватна объективному состоянию защиты прав и свобод; почему иллюзии в области защиты прав и свобод овладевают сознанием граждан; кто, какие субъекты поддерживают существующие иллюзии?

4. Иллюзии проистекают из Конституции, законов, поскольку в них содержатся программные идеи, воспринимаемые как институтами власти, так и гражданами в качестве реальных, хотя они не наполнены реальным содержанием (правовое государство), достижение декларируемых целей отнесено к дальней перспективе. Такое же видится и в закреплении конституционных прав и свобод, в том числе в части их защиты (судебная защита прав и свобод – зависимость суда от органов исполнительной власти, коррупционные проявления, суд есть, защиты – нет; правоохранительными органами – фабрикация дел, подгонка статистики..., самозащита – проблема пределов необходимой обороны, реальные возможности Уполномоченного по правам человека и т.д.).

5. Публичная власть склонна поддерживать иллюзии в сознании граждан, поскольку они создают комфорт для институтов власти по мобилизации

населения на решение в том числе и иллюзорных задач, на достижение подобных целей. Иллюзии, типа – правовое государство, главная цель государства – защита человека, его прав и свобод как части правового государства, обладают значительной мобилизующей силой, направляемой государством в сформированное им русло. Такие иллюзии имеют позитивный смысл, могут нести в себе социальную пользу параллельно с политической выгодой – для всех либо отдельных групп, как ранее сказали бы – для тех или иных классов, в том числе либо исключительно правящему классу.

6. Ожидания общества в части обеспечения реальности прав и свобод, их позитивной роли в повышении качества жизни человека, снижения и устранения иллюзорности в защите прав и свобод могут оправдаться только в случае непрерывного системного движения государства и общества по пути обеспечения социальной справедливости (равенства и пропорциональности) как основы распределения общественных благ, искоренения коррупции, максимально точного исполнения Конституции и иных нормативных правовых актов всеми субъектами общественных отношений – государством, институтами гражданского общества, гражданами. Вместе с тем, это длительный и, возможно, бесконечный путь.

¹ В данном случае иллюзия понимается как искаженное восприятие действительности, ложное восприятие реального объекта / [Электронный ресурс]. – <https://vk.cc/8FFMWn>

² О конституционных иллюзиях в широком плане см.: Барциц И. Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии // Государственная служба. – 2013. – №6 (86). – С. 8 – 13.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Рус. Яз., 1999. – Т. 1. – С. 668.

⁴ См.: Глава XIII.1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 14

⁵ Балашов С. А. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России / [Электронный ресурс]. – <https://vk.cc/8FFNb6>

⁶ Кодекс судейской этики // Бюллетень актов по судебной системе. – 2013. – № 2.